

«ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Ильичёв Алексей Викторович,
*сотрудник Всероссийского музея А.С. Пушкина,
доктор филологических наук,
г. Санкт-Петербург*

Алексей Викторович Ильичёв долгое время жил во Владивостоке. Поступил учиться в ДВГУ, но закончил ЛГУ. Со студенческих лет и по сию пору с увлечением занимается изучением творчества А.С. Пушкина, что привело его к удачной защите докторской диссертации и работе во Всероссийском музее А.С. Пушкина. Преподавал в ДВГУ.

В 1817 году Константин Николаевич Батюшков в записной книжке написал: «Недавно я имел случай познакомиться с странным человеком... В нём два человека... Оба человека живут в одном теле. Как это? Не знаю; знаю только, что у нашего чудака профиль дурного человека, а посмотришь в глаза, так найдёшь доброго: надобно только смотреть пристально и долго... <...> Добрый любит людей и горестно плачет над эпиграммами **чёрного человека**. Белый человек спасает чёрного слезами перед творцом <...>. Дурной человек всё портит и всему мешает: он надменнее сатаны, а белый не уступает в доброте ангелу-хранителю. Каким странным образом здесь два составляют одно, зло так тесно связано с добром и отличено столь резкими чертами? Откуда этот человек,

или эти человеки, белый и **чёрный**, составляющие нашего знаконца? <...> Заключим: эти два человека, или сей один человек живёт теперь в деревне и пишет свой портрет пером по бумаге.

К.Н. Батюшков

Пожелаем ему доброго аппетита, он идёт обедать. Это я! Догадались ли теперь?».

Уже в XX веке О.Э. Мандельштам заметил, что **«Батюшков, записная книжка нерожденного Пушкина...»**. Константин Николаевич Батюшков был всего на 12 лет старше Александра Сергеевича Пушкина. Он был одним из его поэтических учителей. Однако поэзия Пушкина во многом затмила для нас художественный гений Батюшкова. Его судьба трагична. В 22 – 23 года он начал остро переживать наследственную

болезнь – сумасшествие. Пережив Пушкина чуть ли не на два десятилетия, он, тем не менее, остался для современников и потомков его молодым предшественником, не успевшим проявить своего исключительного дарования. Он и сам понимал это, с горечью заметив: «Что говорить о стихах моих! Я похож на человека, который не дошёл до цели своей, а нёс он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нём было». Ещё в 1815 году Батюшков писал Жуковскому: «С рождения я имел на душе чёрное пятно, которое росло с годами и чуть было не зачернило всю душу. Бог и рассудок спасли. Надолго ли – не знаю!».

А.С. Пушкин

Александр Пушкин сделал «чёрного человека» многозначным, символическим героем маленькой трагедии «Моцарт и Сальери». Он является и реальным персонажем, и почти мистическим существом, и совестью Моцарта. Понятно одно – он вестник катастрофических перемен, знак конца жизни. У Пушкина: *«Мне день и ночь покоя не даёт // Мой чёрный человек. За мною всюду // Как тень он гонится. Вот и теперь // Мне кажется, он с нами сам-третьей // Сидит».*

Только гению дано настоящего «чёрного человека» увидеть.

С.А. Есенин

И таким оказался Сергей Есенин. Он посвятил «чёрному человеку» маленькую поэму. Есенин вступает в диалог с чёрным человеком (или с самим собой): *«Чёрный человек // Водит пальцем по мерзкой книге // И, гнусавя надо мной, // Как над усопшим, монах читает мне жизнь // Какого-то прохвоста и забулдыги, // Нагоняя на душу тоску и страх».* (С.А. Есенин «Чёрный человек»)

У Есенина чёрный человек, появившийся в зеркале, то ли двойник автора, то ли мистический иной герой, заставляет поэта вспомнить тёмные эпизоды жизни, напоминая ему о том, что время прощания с жизнью близко.

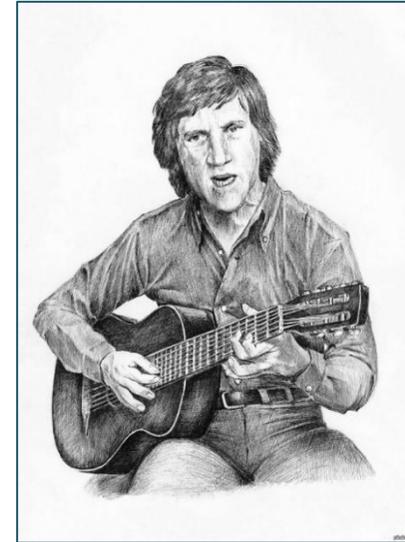
И, наконец, – «чёрный человек» Владимира Высоцкого.

Его «чёрный человек в костюме сером» – собирательный образ всего, что враждебно и чуждо поэту. Высоцкий, в отличие от Есенина, сам рассказывает всё о себе и сам подводит итоги жизни. Высоцкий понимает масштаб своего дарования и степень ответственности, возложенной на него. Пушкин говорил: *«Гений и злодейство – две вещи несовместные».*

Высоцкий, написавший это стихотворение в 1979 (или 1980) году, никогда не пел его.

Мой чёрный человек в костюме сером!..
Он был министром, домоуправом, офицером,
Как злобный клоун он менял личины
И бил под дых, внезапно, без причины.
И, улыбаясь, мне ломали крылья,
Мой хрип порой похожим был на вой,
И я немел от боли и бессилья
И лишь шептал: «Спасибо, что живой».
Я суверен был, искал приметы,
Что мол, пройдёт, терпи, всё ерунда...
Я даже прорывался в кабинеты
И зарекался: «Больше – никогда!».
Вокруг меня кликуши голосили:
«В Париж мотает, словно мы в Тюмень, –
Пора такого выгнать из России!
Давно пора, – видать, начальству лень».
Судачили про дачу и зарплату:
Мол, денег прорва, по ночам кую.
Я всё отдам – берите без доплаты
Трёхкомнатную камеру мою.
И мне давали добрые советы,
Чуть свысока похлопав по плечу,

Мои друзья – известные поэты:
Не стоит рифмовать «кричу – торчу».
И лопнула во мне терпенья жила –
И я со смертью перешёл на ты,
Она давно возле меня кружила,
Побаивалась только хрипоты.
***Я от суда скрываться не намерен:
Коль призовут – отвечу на вопрос.
Я до секунд всю жизнь свою измерил
И худо-бедно, но тащил свой воз.
Но знаю я, что лживо, а что свято, –
Я это понял всё-таки давно.
Мой путь один, всего один, ребята, –
Мне выбора, по счастью, не дано.***

В.С. Высоцкий